

Талант жить

Телефон зазвонил настырно. Забродин вполголоса выругался, не сводя глаз с экрана телевизора, поднял трубку и, с трудом скрывая раздражение, буркнул:

— Да?

— Здравствуйте,— прозвучал в ответ вежливый мужской голос.— Это гостиница?

— Да.

— Если вас не затруднит, то позовите, пожалуйста, к телефону товарища Забродина.

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте. Семчугов беспокоит.

Забродин, вспоминая, потер лоб, раздраженно подумал: «Какой еще, к черту, Семчугов? Только его мне не хватало»— и вслух:

— Прошу извинить, но, к сожалению, не припоминаю. Итак, чем обязан столь ранним звонком?

Голос в трубке сначала насмешливо хмыкнул, затем серьезно спросил:

— Слушай, Игорь, ты мне когда деньги вернешь?

Забродин опешил. В этом периферийном городишке, куда он приехал в командировку и в котором прожил всего лишь несколько дней, знакомых, которые могли бы к нему обращаться вот так запанибратски, у него не было. Правда, было несколько знакомых из строительного управления, но не настолько, чтобы тыкать. К тому же он никогда и ни у кого не занимал денег, ни здесь, ни в городе, где работал и жил.

— Ты, наверное, хочешь узнать, за что,— продолжал неторопливо голос.— Что ж, на поминаю— за пирожки с капустой. Ведь ты любишь с капустой?

Забродин растерялся: пирожки с капустой он действительно любил.

— Молчишь! Может, тебя сумма интересует? Минуточку, сейчас назову...— послышался шелест переворачиваемых страниц.

— Забродин слушал и не знал—положить ли трубку или слушать дальше.— Вот. Ровно во семь рублей шестьдесят копеек. Сумма, конечно, не велика, но ведь и я не миллионер.

— Но послушайте,— выдал Забродин.— Я...

— Забыл,— проговорил укоризненно голос в трубке.— Забыл, у кого в универе сопромат «слизывал», деньги на пирожки с капустой занимал, да к тому же еще и девчонку отбил, и какую девчонку-у,— в трубке восхищенно зацокали языком.— Ну что, вспомнил?

— Виктор?.. Ты-ы? — неуверенно протянул он, все еще боясь ошибиться.

— Нет, не я! — раздался веселый смех на том конце.— Папа римский тебя, жука колорадского, беспокоит.

Забродин недовольно поморщился. Сравнение с колорадским жуком ему не понравилось.

— Ты-ы?! — протянул он как можно удивленной.— А я-то голову ломаю, что за Семчугов, какие деньги! Слушай, Виктор! — он

торопливо переложил трубку к другому уху.— А ты чего в этом заштатном городишке? В командировке? Насколько я знаю, ты ведь по распределению в Сибирь укатил.

— Ага, в командировке, — рассмеялся тот.— Пять лет уже. С женой, детьми и постоянной пропиской.

— Но как же так? — Забродин не мог скрыть удивления.— Сибирь — это перспектива... Там...

— Ты сейчас чем занят? — перебил нетерпеливо Виктор.

Забродин посмотрел на телевизор, усмехнулся:

— С тобой разговариваю. Отдыхаю. Сегодня, насколько мне помнится, выходной день.

— У меня отдохнешь. Записывай адрес. Переулок Новый, дом 8, квартира 54. Записал? Значит, так: сядешь на третий номер автобуса, он напротив гостиницы останавливается, доедешь до остановки «Школа», а Там...

— Я на такси,— перебил Забродин.

— Еще лучше. Во сколько приедешь?

Забродин посмотрел на часы:

— В тринадцать устраивает?

— Он еще спрашивает. Жду! — Раздались короткие гудки.

Забродин медленно положил трубку, выключил телевизор и подошел к окну. Оно смотрело на маленькую привокзальную площадь, небольшую станцию, на которой в ожидании встречного стоял товарняк, на стиснутый угрюмыми берегами залив, на небо, по которому ползли темные, корявые тучи.

«Интересно, как он узнал, что я в городе? — подумал он с приятным удивлением.— И номер телефона?.. Может, видел где? Да, а зачем я ему понадобился? Может, требуется что? Не ради же встречи позвонил? Впрочем, чего гадать...» Он посмотрел на часы и стал одеваться не спеша и тщательно, как, впрочем, всегда.

Одевшись, отдал ключ от номера дежурной по этажу, купил в ресторане бутылку хорошего вина, коробку конфет и вышел из гостиницы.

Такси стояло у входа. Сел. Назвав адрес, спросил:

— Это далеко?

Шофер, плотный, бритоголовый, мельком взглянув на него, устало уронил:

— Рубль дела. Счетчик включать будем?

Забродин поморщился, подумал: «Везде одно и то же. И пишут и говорят...» — и неохотно ответил:

— Ну, если рубль.

— Понятно.

Чуть слышно заработал двигатель, мягко качнуло, зашуршали шины.

В машине было тепло. Забродин привычно откинулся на спинку сиденья, положил «дипломат» на колени.

«Интересно, кем он работает? — подумал Забродин, глядя, как покачивается перед глазами игрушечный чертик.— И почему он в этом городе? Выгнали из Сибири? Вряд ли. С его головой можно было ой как далеко пойти. Перевели? Но было б здесь строительство, а то...»

— В командировке? — спросил шофер.

— Что?— Забродин искоса посмотрел на него.— А-а. В командировке.

— А сейчас куда, если, конечно, не секрет?

— К товарищу,— неохотно отозвался Забродин.— Шесть лет не виделись. Вот еду и думаю, узнаю ли. Шесть лет, что там ни говори, а время.

— Это верно — срок,— выдохнул шофер.— Да еще какой. За это время я двух дочек замуж выдал. Сын вот-вот из армии возвратится, да и сам...— он провел ладонью по лицу, усмехнулся: — Постарел малость.

На ветровое стекло посыпались капли дождя.

— Опять на целый день зарядил,— недовольно буркнул шофер, включая дворники.— В этой небесной канцелярии, видать, совсем с ума посходили.

— Осень, что вы хотите,— Забродин пожал плечами.— Природа! Ей, к сожалению, не прикажешь.

— А и хорошо, что не прикажешь,— с не понятным для Забродина удовольствием за метил шофер.— А то привыкли приказывать и по делу, и без дела. Скоро доприказываем,— он усмехнулся,— на свою шею до того, что будет нам красный сигнал светофора.

Забродин улыбнулся, насмешливо сказал:

— А может, смилостивится и сначала желтый покажет? А? Зачем же так резко.

— А толку-то! — раздраженно сказал тот.— Нам ведь все по черту! Прем как угорелые, не глядя по сторонам. А при такой скорости как ни тормози, а под красный влетишь. Как влетел — считай хана! От нее дыркой в талоне не отделаешься!
— От кого от нее?! — Забродин недоуменно посмотрел на него.

—От жизни, от кого же еще! Правила соблюдать надо. Правила.

Забродин весело рассмеялся, снял шляпу и положил поверх «дипломата». Его начал занимать этот разговор.

—Правила, говорите. Так ведь на жизненных дорогах, слава богу, светофоры да указатели не установлены.

—Вот и хреново, что не установлены,— хмуро уронил шофер, не отрывая глаз от дороги.— Потому и прем сломя голову. А спроси толком — куда? — не знаем.

— К счастью, дорогой, к счастью. А на тот свет и с правилами, и без правил так и так прибудем.

— К счастью — и без правил? — угрюмо спросил шофер.

Забродин поморщился:

— Дались вам эти правила! Да если все по правилам, то... — он не договорил и, по молчав, насмешливо добавил: — Представляю, если б на мотогонках на старте повесили

знак «Ограничение скорости» или «Обгон воспрещен».

— Что вы путаете божий дар с яичницей!— шофер с треском включил скорость.— Спорт есть спорт, а жизнь, это...

— Спорт — тоже жизнь. По крайней мере, так говорят, и в том и другом случае на града одна — счастье, ощущение собственной значимости, веры в свои силы. А если вас послушать, то выходит, если по жизненной дороге впереди меня кто-то плетется, то и я должен? Нет уж, увольте, я обгоню!

— А если дорога узкая и знак висит «Обгон воспрещен»?

— Да хоть сотня знаков! — жестко сказал Забродин.— Прежде чем в путь отправляться, пускай свои силенки подрачивает. Переоценил силенки — расплачивайся. В конце концов, мы с ним на равных. Не умеет ездить — пускай прижмется к бровке и не мешает. В противном случае...

— Сшибете?

— Сшибу.

— И многих вы сшибли?

— Не считал. Вас, лично, я сшибать не собираюсь,— насмешливо сказал Забродин.

— По разным дорогам едем? — шофер усмехнулся.— Значит, кому-то из нас повезло.

Забродин поморщился:

— Давайте прекратим этот бесполезный разговор. Все равно каждый из нас останется при своем мнении.

Замолчали.

«Умник,— подумал Забродин, с неприязнью взглянув на шофера.— Видать, не повезло в жизни, вот в философию и ударился. Правила ему... Этак можно черт знает до чего договориться», а вслух нетерпеливо произнес:

— Далеко еще?

— Здесь,— такси подало к бровке и остановилось.

— Вот обговоренный рубль.— Забродин положил на сиденье деньги и хлопнул дверцей.

Переулок Новый был короток и широк, как хвост бобра. По обеим сторонам стояли однообразные коробки жилых зданий, окрашенные как один в зеленый цвет. В разлегшихся на асфальте лужах отражались неопрятное небо, столбы, забор и стрела башенного крана за ним.

Забродин покачал головой и, аккуратно обходя лужи, чтобы не запачкать лакированные полуботинки, пошел к зданию.

В подъезде было прохладно и тихо. Квартира находилась на третьем этаже. Прежде чем позвонить, он поправил шляпу, прислушался— за дверью раздавались приглушенные детские голоса.

«Может, не ходить? — подумал.— Ну, посидим, поговорим, а дальше-то что?.. А-а, ладно... Раз пришел...» — и надавил кнопку звонка.

Раздались торопливые шаги, звук отпираемого замка, и дверь отворилась. На пороге стоял Виктор.

— Игорь! Дружище! — обрадованно воскликнул он, широко улыбаясь. — А я уж грешным делом подумал, что не придешь. Жду -пжду.

— Пришел, как видишь, — улыбнулся Забродин. — Надо же старого товарища навестить. Столько лет не виделись.

— Молодчина! — Виктор обнял Забродина, хлопнул по спине. — А то я уж давно никого не видел. Соскучился. Да ты проходи, проходи.

— Да уж пройду, раз пришел, — улыбнулся Забродин, переступая порог.

— Давай плащ, шляпу. Да полуботинки то не снимай, — засуетился Виктор и, отступив на шаг, шутливо сказал: — А ты подобрел, подобрел!

И животик вырисовывается, и подбородочек, и мордашка покруглела.

— Зато о тебе хоть песню пой — каким ты был, таким ты и остался, — хохотнул Забродин. — Такой же долговязый и тонкий как карандаш, да еще и передничком обзавелся. По хозяйству, что ли хлопочешь?

— Жена в магазин ушла, приходится, — Виктор развел руками, прислушался, всполошился: — Суп же у меня там!.. Я сейчас.

Забродин с любопытством огляделся. Прихожая была маленькой и чистой. На самодельной вешалке вперемежку висели детские и взрослые пальто. Под ней, на полу, ровным рядком стояла обувь. Он вспомнил свою прихожую — большую, похожую на небольшую комнату, трюмо в ней, подставку для обуви, бледно-голубой палас, небольшую, но красивую люстру — и покачал головой.

— Игорь, проходи! — послышалось из глубины квартиры.

Забродин взял «дипломат», на ходу одергивая пиджак и поправляя галстук, вошел в комнату и невольно остановился. Напротив широкого окна за большим круглым столом, покрытым цветастой клеенкой, дружной компанией сидели пятеро ребятшек — один другого меньше, — обедали. При виде гостя они как по команде замолчали.

«Неужели это все его?! — изумленно подумал он. — Совсем сдурил. Пятеро детей! Рехнуться можно. Тут с двумя не знаешь как управиться!»

— Что надо сказать? — строго спросил Виктор, входя в комнату и вытирая руки о передник.

— Здравствуйте! — И это детское «здравствуйте» прозвучало так непосредственно и дружно, что Забродин невольно улыбнулся.

— Здравствуйте! А это вам, — он достал из «дипломата» и положил на стол коробку конфет. — Кушайте на здоровье!

— Спасибо!

— Пожалуйста, — отозвался Забродин, ожидая, что они, как и его двое, жадно расхватывают конфеты, но коробку взял старший и честно поделил между всеми.

— Поели? — спросил Виктор, когда кон

феты были разделены. — Тогда марш из-за стола. — Он снял со стула самого маленького, шутливо хлопнув пониже спины: — А ну бегом на улицу! Дима, помоги малышам одеться.

— Слушай, — почему-то шепотом спросил Забродин, когда дети, поглядывая на него, гуськом прошли в прихожую, — это что, все твой?

— А то чьи же! — рассмеялся Виктор. — Собственное, так сказать, произведение искусства, — и он постучал себя пальцем в грудь. — А у тебя сколько?

— Двое. А что? — с непонятным для себя вызовом спросил Забродин. — Мне лично и двоих за глаза хватает.

— Слабак, — Виктор укоризненно покачал головой. — А помнишь, что в универе говорил? Да я... Да что б не меньше трех...

Забродин поморщился, вяло махнул рукой:

— Мало ли что по молодости болтали, — и, чтобы перевести разговор, спросил: — Супруга скоро придет?

— Скоро. Да вот она.

В прихожей раздался звонок, послышался шум открываемой двери и детский голос:

— А к нам дядя пришел. Толстый такой, добрый. Конфеты принес.

И мягкий, женский:

— Хорошо, хорошо. Одевайтесь, но только чтоб от дома ни на шаг и по лужам не ходить. Дима, я на тебя надеюсь.

— хорошо, мама.

В этом мальчишеском «Хорошо, мама» не было лживой покорности, той, что была у его детей, согласных на любые условия, лишь бы выскочить из дому, а там хоть трава не расти.

«Да что я все сравниваю, сравниваю, — подумал Забродин с раздражением. — У него своя жизнь, свои дети, а у меня свои. Каждый живет по-своему!»

— Витя? — позвали из прихожей.

«А моя, когда гости, всегда по имени и отчеству», — вновь подумал он, чувствуя, что завидует этому теплему «Витя».

— Ты проходи, осматривайся, — Виктор тронул его за локоть. — А я мигом.

Забродин сел на диван, огляделся. Комната была просторной, в ней не было ничего лишнего: стол, несколько стульев, в дальнем левом углу телевизор, чуть левее сервант с посудой, и все.

«Небогато, — подумал он. — За столько лет можно было и пошкарнее квартиру обставить. Впрочем, столько детей... Сам виноват».

Он снова обвел убранство комнаты взглядом и вдруг почувствовал, что в ней ему и легче, и свободней, она показалась куда светлей его квартиры, заставленной угловатой, лоснящейся полировкой мебелью, над которой висела огромная люстра, готовая, казалось, вот-вот рухнуть на голову и придавить.

Дверь в следующую комнату была открыта, и там виднелись стеллажи с книгами, спинка кровати, угол письменного стола и шкафа.

«Как они здесь умещаются? — подумал Забродин.— Тесно ведь. С ума сойти можно!»

— Добрый день,— прозвучал вдруг рядом женский голос.

На пороге комнаты, держа в руках хозяйственную сумку, стояла невысокая миловидная женщина в простом, аккуратно сшитом платье. Она была почти на голову ниже мужа. И то, что она была ниже, тоже было хорошо. Забродин как бы со стороны взглянул на себя, идущего рядом с женой, которая была хоть ненамного, но все же повыше его, и почувствовал неловкость, словно ощутил незаметные, прячущие улыбку взгляды прохожих.

— Здравствуйте,— встал он.

— Валя,— женщина протянула руку. Ладонь у нее была крепкой, как у мужчины, и шершавой.

— Игорь.

— Очень приятно,— женщина взглянула на него, склонила голову к плечу и лукаво улыбнулась. — А Витя рассказывал о вас.

— Как сопромат «слизывал»?—с шуткой ответил Забродин.

— И об этом тоже. И как девушку у него отбили, и про то, как вечерами пирожки с капустой ели, как с лекций убежали...

Забродин развел руками:

— Было. Все было. Молодость.

— Но я вас не виню за то, что девушку у негр отбили... Совсем не виню. Да и Витя,— она взглянула на мужа,— тоже, надеюсь, не в обиде. А?

Виктор улыбнулся, покачал головой.

Женщина поправила и без того тщательно причесанные волосы и, как бы извиняясь, проговорила:

— Вы уж тут без меня...

— Вот так и живу,— просто сказал Виктор, присаживаясь рядом с Забродиным на диван.— Ну, а ты как?

— Нормально,— Забродин пожал плечами и, предупреждая его следующий вопрос, спросил:— А как ты узнал, что я в городе? И номер телефона?

— На стройке видел. Хотел подойти, да ты с начальством был. Ну, а номер. Позвонил в гостиницу, назвал фамилию...

— Кем работаешь?

— Мастером.

— Ке-ем?—изумленно протянул Забродин, откидываясь на спинку дивана.—Мастером?! Но ведь у тебя высшее образование. Тебе если не начальником участка, то прорабом положено работать.

Виктор махнул рукой:

— Прораб есть. Начальник участка — то же, да и, честно признаться, нравится мне эта работа,— он улыбнулся.— Я длинный. А мастера что — ноги кормят.

«И что он из себя корчит?—подумал Забродин с некоторым раздражением.— Ноги! Это пускай волка ноги кормят», а вслух спросил:

— К начальству обращался?

— Нет. Правда, как-то предложили должность прораба, да я отказался.

— Почему?

— Человеку скоро на пенсию, пускай до работает.

Забродин усмехнулся, язвительно уронил:

— Красивый жест.

Виктор искоса посмотрел на него, потом спросил:

— Ну, а ты как живешь? Кем трудишься?

— Главным инженером,— произнес он с вызовом.

— Ну, молодец!— Виктор хлопнул его по колену.— Еще пару лет, и управляющим треста будешь.

Забродин пытался уловить в его голосе хоть нотку фальши и зависти, но их не было. И ему стало отчего-то неприятно и обидно.

— А жена?

— Директором торга.

Виктор резко повернулся к нему и удивленно спросил:

— Чего это Ирина в торговлю подалась?

— Какая Ирина?... А-а,— Забродин поморщился.— Ты вот о ком... Мы с ней только год вместе прожили. Характером, так сказать, не сошлись. Ей во мне, видите ли...— он не договорил, махнул рукой.— Впрочем, чего вспоминать... Да! А ты почему из Сибири уехал?

— Уедешь тут, если по всему телу фурункулы высыпали. Климат не тот...

— Климат, говоришь,— недоверчиво протянул Забродин.— А что же ты этот городишко для жилья выбрал? Посолидной нет, что ли?

— Родился я здесь.

— Понятно.

Замолчали.

— Ребят из универа видел кого?— нарушил молчание Виктор.

— Видел,— неохотно отозвался Забродин.— Пашку Рюмина, он сейчас инженером по технике безопасности работает, Володьку Лопухова — начальником участка трудится. Все тебя обскакали.

Виктор улыбнулся:

— Обскакали, и ладно. Придет время, и я скакну.

— Время придет,— передразнил Забродин.— Его не ждать, а за грудки брать надо, иначе...

— Мужчины,— послышалось из кухни.— Помогайте накрывать на стол.

— Ну, за встречу!— Виктор поднял рюмку.— За счастье!

— За встречу!

Некоторое время сидели молча. Забродин ел, глядя в тарелку, ощущая взгляды.

— Вы надолго в наш город?—нарушила молчание женщина.

— Дня три-четыре еще пробуду,— отозвался Забродин и к Виктору:—Слушай! А может, мне поговорить с твоим начальством.

Мне не трудно. Работать каким-то мастером, имея высшее образование, знаешь ли... Мне не трудно.

— Не стоит.

— Тебе видней. Было бы предложено,— вяло отозвался Забродин.

— У вас квартира?..— спросила женщина.

- Трехкомнатная.
- Хорошо живете.
- Да как вам сказать. Вроде ничего,—

Забродин потер лоб. Он в последние годы ни когда не задавал себе этого вопроса. Жил и жил. Вроде все есть: машина, квартира, должность.

— Жена красивая?

— Жена?— переспросил он и слегка улыбнулся.— Красивая вроде. Правда, много по парикмахерским сидит, наряжаться любит.

— Ну, это чисто женская слабость,— улыбнулась женщина.

Забродин почувствовал, что разговор не клеится, и не из-за людей, к которым он пришел в гости, а из-за него самого.

— Ну, мне пора,—с натянутой улыбкой сказал он, взглянув на часы.— Из управления должны прийти...

— Может, останетесь?.. На улице дождь... Давно не виделись.

— К сожалению...

— Я провожу,— сказал Виктор.

Забродин шел, подняв воротник плаща и глядя под ноги.

— Слушай?— глухо спросил он, когда дошли к автобусной остановке, и, чтобы как-то скрыть смысл своего вопроса, деланно хохотнул.— Как ты думаешь, что, по-твоему, счастье?

— Счастье?—переспросил Виктор.— Ну, как тебе сказать... Вообще-то я не задумывался,—он потер подбородок:—Но, по-моему, это когда утром хочется на работу, а вечером домой.

— Может, и так... Ну, счастливо!—Забродин протянул руку.

— Счастливо и тебе. Зайдешь еще?

— Наверное...

В ту ночь Забродин долго не мог заснуть. Ходил по номеру из угла в угол, смотрел в окно, словно стараясь разглядеть за ним то, чего не видел раньше, но что заметить надо было обязательно, потому что без этого всей жизни — грош цена.